

«Детское чтение для сердца и разума».

Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

5

2017 (215)

6+

ПАРАД ПОБЕДЫ

РАССКАЗЫ:

Два друга

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Александр ГРИН
Бегство в Америку

С Днём Победы!

Михаил Светлов

Неизвестному солдату

Он умер от семьи своей вдали,
И гибели его нам неизвестна дата...
К Могиле Неизвестного Солдата
Известные солдаты подошли...
Мы этот образ до сих пор храним —
Истерзанный свинцом, лежал парнишка,
И не было при нём военной книжки —
Она в бою погибла вместе с ним.
Пусть мы его фамилии не знаем, —
Он был — мы знаем — верным до конца.
И мы в молчанье головы склоняем
Перед бессмертным подвигом бойца.
И дружба воинов неколебима, свята,
Она не умирает никогда!
Мы по оружию родному брату
Воздвигли памятник на долгие года!
Соединим же верные сердца
И скажем, как ни велика утрата, —
Пусть нет фамилии у нашего бойца, —
Есть звание российского солдата!

В. Таутиев
Рейстаг взят
2001 г.

В номере:

3

Александр Грин
Бегство в Америку

15

ИМЕНА
Сергей Глядко
Преображённая реальность

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ
Даниил Санкин
**Военный Парад 24 июня 1945 года:
триумф народа-победителя**

21

ЧЕСТЬ ИМЕЮ!
Сергей Алексеев
Два друга

23

УГОЛОК РОССИИ
Сергей Иванов
Горенки

26

РАССКАЗЫ
Геннадий Киселёв
Вильям Шекспир отдыхает...

29

ШКОЛА БЕЗОПАСНОСТИ
Владимир Волков
Не бросил в беде

30

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК
Александр Силаев
Змей огненный

33

БУХТИНЫ
Павел Гусев
**Значок
Конверт треугольником
Дедушкин шлем танкиста**

35

ЖИВОЙ УГОЛОК
Борис Житков
Храбрый утёнок

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор
Юрий Козлов

Зам. главного редактора
Екатерина Рощина

Художественное
редактирование
Татьяна Погудина

Генеральный директор
Олег Болдырев

Компьютерная вёрстка
и цветоделение
Александр Муравенко

Главный бухгалтер
Людмила Дьячкова

Зав. распространением
Ирина Бродянская

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован
Министерством общего
и профессионального
образования РФ
для внеклассного чтения

Подписные индексы издания:
в каталоге агентства «Роспечать»
72766 на полугодие, **71899** на год;
в объединённом каталоге
«Пресса России»
38916 на полугодие;
в электронном каталоге
«Почта России»
П1654 на полугодие

Учредитель: ООО «Роман-газета»
Адрес редакции: 107078, Москва,
ул. Новая Басманная, 19.
Тел.: 8 (499) 261-84-61
Факс: 8 (499) 261-49-29
E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru
Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации
№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано в АО «Красная Звезда»
123007, Россия, Москва,
Хорошёвское шоссе, 38
тел. +7(499) 762-63-02,
факс +7(495)941-40-66
e-mail: kz@redstar.ru,
www.redstarprint.ru

Тираж 2000 экз.

В розницу цена свободная
Заказ № 2792-2017

© «Роман-газета», 2017 г.

Выпуск издания осуществлён
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

Авторов материалов,
использованных в этом номере,
просим обращаться в редакцию

Александр Грин

БЕГСТВО В АМЕРИКУ

ИЗ ДЕТСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ

Художник Г. Мазурин

Потому ли, что первая прочитанная мной, ещё пятилетним мальчиком, книга была «Путешествие Гулливера в страну лилипутов» — детское издание Сытина с раскрашенными картинками, или стремление в далёкие страны было врождённым, — но только я начал мечтать о жизни приключений с восьми лет.

Я читал бессистемно, безудержно, за поем.

В журналах того времени: «Детское чтение», «Семья и школа», «Семейный отдых» — я читал преимущественно рассказы о путешествиях, плаваниях и охоте.

После убитого на Кавказе денщиками подполковника Гриневского — моего дяди по отцу — в числе прочих вещей отец мой привёз три огромных ящика

книг, главным образом на французском и польском языках; но было порядочно книг и на русском.

Я рылся в них по целым дням. Мне никто не мешал.

Поиски интересного чтения были для меня своего рода путешествием.

Помню Дрэпера, откуда я выудил сведения по алхимическому движению Средних веков. Я мечтал открыть «философский камень», делать золото, натаскал в свой угол аптекарских пузырьков и что-то в них наливал, однако не кипятил.

Я хорошо помню, что специально детские книги меня не удовлетворяли.

В книгах «для взрослых» я с пренебрежением пропускал «разговор», стремясь видеть «действие». Майн Рид, Густав Эмар, Жюль Верн, Луи Жакольо были моим необходимым, насущным чтением. Довольно большая библиотека Вятского земского реального училища, куда отдали меня девяти лет, была причиной моих плохих успехов. Вместо

Из книги «Автобиографическая повесть», впервые отдельной книгой напечатана «Издательством писателей в Ленинграде» в 1932 году. Текст оцифрован по изданию «Воспоминания об Александре Грине». Лениздат, 1972.

учения уроков я, при первой возможности, валился в кровать с книгой и куском хлеба; грыз краюху и упивался героической живописной жизнью в тропических странах.

Всё это я описываю для того, чтобы читатель видел, какого склада тип отправился впоследствии искать место матроса на пароходе.

По истории, закону Божию и географии у меня были отметки 5, 5-, 5+, но по предметам, требующим не памяти и воображения, а логики и сообразительности, — двойки и единицы: математика, немецкий и французский языки пали жертвами моего увлечения чтением походов капитана Гаттераса и Благородного Сердца. В то время как мои сверстники бойко переводили с русского на немецкий такие, например, мудрёные вещи: «Получили ли вы яблоко вашего брата, которое подарил ему дедушка моей матери?» «Нет, я не получил яблока, но я имею собаку и кошку», — я знал только два слова: копф, гунд, эзель и элефант*. С французским языком дело было ещё хуже.

* Копф, гунд, эзель, элефант — голова, собака, осёл, слон.

Задачи, заданные решать дома, почти всегда решал за меня отец, бухгалтер земской городской больницы; иногда за непонятливость мне влетала затрецина. Отец решал задачи с увлечением, засиживаясь над трудной задачей до вечера, но не было случая, чтобы он не дал правильного решения.

Остальные уроки я наспех прочитывал в классе перед началом урока, полагаясь на свою память.

Учителя говорили:

— Гринеvский способный мальчик, память у него прекрасная, но он... озорник, сорванец, шалун.

Действительно, почти не проходило дня, чтобы в мою классную тетрадь не было занесено замечание: «Оставлен без обеда на один час»; этот час тянулся как вечность. Теперь часы летят слишком быстро, и я хотел бы, чтобы они шли так тихо, как шли тогда.

Одетый, с ранцем за спиной, я садился в рекреационной** комнате и уныло смотрел на стенные часы с маятником, звучно отбивавшим секунды. Движение стрелок вытягивало из меня жилы.

Смертельно голодный, я начинал искать в партах оставшиеся куски хлеба; иногда находил их, а иногда щёлкал зубами в ожидании домашнего наказания, за которым следовал наконец обед.

Дома меня ставили в угол, иногда били.

Между тем я не делал ничего выходящего за пределы обычных проказ мальчишек. Мне просто не везло: если за уроком я пускал бумажную галку — то или учитель замечал мой посыл, или тот ученик, возле которого упала сия галка, встав, услужливо докладывал: «Франц Германович, Гринеvский бросается галками!»

Немец, высокий, элегантный блондин, с надвое расчёсанной бородкой, краснел как девушка, сердился и строго говорил: «Гринеvский! Выйдите и станьте к доске».

Или: «Пересядьте на переднюю парту»; «Выйдите из класса вон» — эти кары назначались в зависимости от личности преподавателя.

Если я бежал, например, по коридору, то обязательно натыкался или на директора, или на классного наставника: опять кара.

** Комната для отдыха и игр учащихся во время перемены.

Если я играл во время урока в «пёрышки» (увлекательная игра, род карамбольного бильярда!), мой партнёр отделялся пустяком, а меня, как неисправимого рецидивиста, оставляли без обеда.

Отметка моего поведения была всегда 3. Эта цифра доставляла мне немало слёз, особенно когда 3 появлялась как годовая отметка поведения. Из-за неё я был исключён на год и прожил это время, не очень скучая о классе.

Играть я любил больше один, за исключением игры в бабки, в которую вечно проигрывал.

Я выстругивал деревянные мечи, сабли, кинжалы, рубил ими крапиву и лопухи, воображая себя сказочным богатырём, который один поражает целое войско. Я делал луки и стрелы, в самой несовершенной, примитивной форме, из вереса и ивы, с бечёвочной тетивой; стрелы же, выструганные из лучины, были с жестяными наконечниками и не летали дальше тридцати шагов.

На дворе я расставлял, стоймя, поленья шеренгами — и издали поражал их камнями, — в битве с не ведомой никому армией. Из изгороди огорода я выдёргивал тычины и упражнялся в метании ими, как дротиками. Перед моими глазами, в воображении, вечно были — американский лес, джунгли Африки, си-

бирская тайга. Слова «Ориноко», «Миссисипи», «Суматра» звучали для меня как музыка.

Прочитанное в книгах, будь то самый дешёвый вымысел, всегда было для меня томительно желанной действительностью.

Делал я также из пустых солдатских патронов пистолеты, стреляющие порохом и дробью. Я увлекался фейерверками, сам составлял бенгальские огни, мастерил ракеты, колёса, каскады; умел делать цветные бумажные фонари для иллюминации, увлекался переплётным делом, но больше всего я любил строгать что-нибудь перочинным ножом; моими изделиями были шпаги, деревянные лодки, пушки. Картинки для склеивания домиков и зданий во множестве были перепорчены мной, так как, интересуясь множеством вещей, за всё хватаясь, ничего не доводя до конца, будучи нетерпелив, страстен и небрежен, я ни в чём не достигал совершенства, всегда мечтами возмещая недостатки своей работы.

Другие мальчики, как я видел, делали то же самое, но у них всё это, по своему, выходило отчетливо, дельно. У меня — никогда.

На десятом году, видя, как меня страстно влечёт к охоте, отец купил мне за рубль старенькое шомпольное ружьецо.

Я начал целыми днями пропадать в лесах; не пил, не ел; с утра я уже томился мыслью, «отпустят» или «не отпустят» меня сегодня «стрелять».

Не зная ни обычаев дичной птицы, ни техники, что ли, охоты вообще, да и не стараясь разузнать настоящие места для охоты, я стрелял во всё, что видел: в воробьёв, галок, певчих птиц, дроздов, рябинников, куликов, кукушек и дятлов.

Всю добычу мою мне дома жарили, и я её съедал, причём не могу сказать, чтобы мясо галки или дятла отличалось чем-нибудь особенно, разнилось от кулика или дрозда.

Кроме того, я был запойным удильщиком — исключительно по шеклее*, вертлявой, всем известной рыбке больших рек, падкой на муху; собирал коллекции птичьих яиц, бабочек, жуков и растений. Всему этому благоприятствовала дикая озёрная и лесная природа окрестностей Вятки, где тогда не было ещё железной дороги.

По возвращении в лоно реального училища я пробыл в нём всего ещё только один учебный год.

Меня погубили: сочинительство и донос.

Ещё в подготовительном классе я прославился как сочинитель. В один прекрасный день можно было видеть мальчика, которого рослые парни шестого класса таскают на руках по всему кори-

дору и в каждом классе, от третьего до седьмого, заставляют читать своё произведение.

Это были мои стихи:

*Когда я вдруг проголодаюсь,
Бегу к Ивану раньше всех:
Ватрушки там я покупаю,
Как они сладки — эх!*

В большую перемену сторож Иван торговал в швейцарской пирожками и ватрушками. Я, собственно, любил пирожки, но слово «пирожки» не укладывалось в смутно чувствуемый мною размер стиха, и я заменил его «ватрушками».

Успех был колоссальный. Всю зиму меня дразнили в классе, говоря: «Что, Гриневский, ватрушки сладки — эх?!»

В первом классе, прочитав где-то, что школьники издавали журнал, я сам составил номер рукописного журнала (забыл, как он назывался), срисовал в него несколько картинок из «Живописного обозрения» и других журналов, сам сочинил какие-то рассказы, стихи — глупости, вероятно, необычайной — и всем показывал.

Отец, тайно от меня, снёс журнал директору — полному, добродушному человеку, и вот меня однажды вызвали в директорскую. В присутствии всех учителей директор протянул мне журнал, говоря:

— Вот, Гриневский, вы бы побольше этим занимались, чем шалостями.

Я не знал, куда деваться от гордости, радости и смущения.

Меня дразнили двумя кличками: «Грин-блин» и «Колдун». Последняя кличка произошла потому, что, начитавшись книги Дебароля «Тайны руки», я начал всем предсказывать будущее по линиям ладони.

В общем, меня сверстники не любили; друзей у меня не было. Хорошо относились ко мне директор, сторож Иван и классный наставник Капустин. Его же я и обидел, но это была умственная, литературная задача, разрешённая мной на свою же голову.

В последнюю зиму учения я прочёл шуточные стихи Пушкина «Коллекция насекомых»** и захотел подражать.

* Уклеяка. Её местное название. (Прим. А. С. Грина.)

** Стихотворение А. С. Пушкина называется «Собрание насекомых».

*Вышло так (я помню не всё):
Инспектор, жирный муравей,
Гордится толщиной своей...
Капустин, тощая козявка,
Засохшая былинка, травка,
Которую могу я смять,
Но не желаю рук марать.
Вот немец, рыжая оса,
Конечно, — перец, колбаса...
Вот Решетов, могильщик-жук...*

Упомянуты, в более или менее обидной форме, были все, за исключением директора: директора я поберёг.

Имел же я глупость давать читать эти стихи всякому, кто любопытствовал, что ещё такое написал «Колдун». Списывать их я не давал, а потому некто Маньковский*, поляк, сын пристава, однажды вырвал у меня листок и заявил, что покажет учителю во время урока.

Две недели тянулась злая игра**. Маньковский, сидевший рядом со мной, каждый день шептал мне: «Я сейчас покажу!» Я обливался холодным потом, умолял предателя не делать этого, отдать мне листок; многие ученики, возмущённые ежедневным издевательством, просили Маньковского оставить

* В архивах Реального училища ученик Маньковский не найден.

** Не исключено, что картина последующих событий несколько драматизирована.

свою затею, но он, самый сильный и злой ученик в классе, был неумолим.

Каждый день повторялось одно и то же: — Гриневский, я сейчас покажу...

При этом он делал вид, что хочет поднять руку.

Я похудел, стал мрачен; дома не могли добиться от меня — что со мной.

Решив наконец, что если меня исключат окончательно, то ждут меня побои отца и матери, стыдясь позора быть посмешищем сверстников и наших знакомых (между прочим, чувства ложного стыда, тщеславия, мнительности и жажды «выйти в люди» были очень сильны в глухом городе), я стал собираться в Америку.

Была зима, февраль.

Я продал букинисту одну книгу покойного дяди «Католицизм и наука» за сорок копеек, потому что у меня никогда не было карманных денег. На завтрак мне выдавали две-три копейки, они шли на покупку одного пирожка с мясом. Продав книгу, я тайно купил фунт колбасы, спички, кусок сыра, захватил перочинный ножик. Рано утром, уложив провизию в ранец с книгами, я пошел в училище. На душе у меня было скверно. Предчувствия мои оправдались; когда начался урок немецкого языка, Маньковский, шепнув «сейчас подам», поднял руку и сказал:

— Позвольте, господин учитель, показать вам стихи Гриневского.

Учитель разрешил.

Класс притих. Маньковского со стороны дёргали, щипали, шипели ему: «Не смей, сукин сын, подлец!» — но, аккуратно обдернув блузу, плотный, чёрный Маньковский вышел из-за парты и подал учителю роковой листок; скромно покраснев и победоносно оглядев всех, доносчик сел.

Преподаватель этого часа дня был немец. Он начал читать с заинтересованным видом, улыбаясь, но вдруг покраснел, потом побледнел.

— Гриневский!

Я встал.

— Это вы писали? Вы пишете пасквиль?

— Я... Это не пасквиль.

От испуга я не помнил, что бормотал. Как в дурном сне, я слышал звон слов, упрекающих и громящих меня. Я видел, как гневно-изящно колышется красивый, с двойной бородой, немец, и думал: «Я погиб».

— Выйдите вон и ждите, когда вас позовут в учительскую.

Я вышел плача, не понимая, что происходит.

Коридор был пуст, паркет блестел, за высокими, лакированными дверями классов слышались мерные голоса учителей. Из этого мира я был вычеркнут.

Зазвенел звонок, двери пооткрывались, толпа учеников наполнила коридор, весело шумя и крича; лишь я стоял, как чужой. Классный наставник Решетов привёл меня в учительскую комнату. Я любил эту комнату — в ней был прекрасный шестигранный аквариум с золотыми рыбками.

За большим столом, с газетами и стаканами чая, восседал весь синклит.

— Гриневский, — сказал, волнуясь, директор, — вот вы написали пасквиль... Ваше поведение всегда... подумали ли вы о родителях?... Мы, преподаватели, желаем вам только добра...

Он говорил, а я ревел и повторял:

— Больше не буду!

При общем молчании Решетов начал читать мои стихи. Произошла известная гоголевская сцена последнего акта «Ревизора». Как только чтение касалось одного из осмеянных — он беспомощно улыбался, пожимал плечами и начинал смотреть на меня в упор.

Только инспектор — мрачный пожилой брюнет, типичный чиновник — не был смущён. Он холодно казнил меня блеском своих очков.

Наконец тяжёлая сцена кончилась. Мне было велено отправиться домой и заявить, что я временно, впредь до распоряжения, исключён; также сказать отцу, чтобы тот явился к директору.

Почти без мыслей, как в горячке, я вышел из училища и побрёл к загородному саду — так назывался полудикий парк, вёрст пять квадратным объёмом, где летом торговал буфет и устраивались фейерверки. Парк примыкал к перелеску. За перелеском была речка; дальше шли поля, деревни и огромный, настоящий лес.

Сев на изгородь у перелеска, я сделал привал: мне предстояло идти в Америку.

Голод взял своё, — я съел колбасу, часть хлеба и начал раздумывать о направлении. Совершенно естественным казалось мне, что нигде, никто не остановит реалиста в форме, в ранце, с гербом на фуражке!

Я сидел долго. Стало смеркаться; унылый зимний вечер развёртывался вокруг. Ели и снег, ели и снег... Я продрог, ноги замёрзли. Калоши были полны снега.

Память подсказывала, что сегодня к обеду яблочный пирог. Как ни подгова-

ривал я раньше кое-кого из учеников бежать в Америку, как ни разрушал воображением всякие трудности этого «простого» дела — теперь смутно почувствовал я истину жизни: необходимость знаний и силы, которых у меня не было.

Когда я пришёл домой, было уже темно. Охо-хо! Даже теперь жутко всё это вспоминать.

Слёзы и гнев матери, гнев и побои отца; крики: «Вон из моего дома!», стояние в углу на коленях, наказание голодом вплоть до десяти часов вечера; каждый день пьяный отец (он сильно пил); вздохи, проповеди о том, что «только свиней тебе пасти», «на старости лет думали, что сын будет подмогой», «что скажут такие-то и такие-то», «тебя мало убить, мерзавца!» — вот так, в этом роде, шло несколько дней.

Наконец буря утихла.

Отец бегал, просил, унижался, ходил к губернатору, везде искал протекции, чтобы меня не исключали.

Училищный совет склонен был смотреть на дело не очень серьёзно, с тем чтобы я попросил прощения, но инспектор не согласился.

Меня исключили.

В гимназию меня отказались принять. Город, негласно, выдал мне уже волчий, неписанный паспорт. Слава обо мне росла изо дня в день.

Осенью следующего года я поступил на третье отделение городского училища.

ОХОТНИК И МАТРОС*

Может быть, следует упомянуть, что я не посещал начальной школы, так как меня учили писать, читать и считать дома. Отец временно был уволен со службы в земстве, и мы прожили год в уездном городе Слободском; тогда мне было четыре года. Отец служил помощником управляющего пивным заводом Александра. Мать стала учить меня азбуке; я скоро запомнил все буквы, но никак не мог постигнуть тайну слияния букв в слова.

Однажды отец принёс книжку «Гулливер у лилипутов» с картинками, — крупным шрифтом, на плотной бумаге.

Он посадил меня на колени, развернул книжку и сказал:

— Саша, давай читать. Это какая буква?

— «М».

— А эта?

— «О».

— Верно. Как же сказать их сразу?

В моём уме вдруг слились звуки этих букв и следующих, и, сам не понимая, как это вышло, я сказал: «море».

Так же сравнительно легко я прочёл следующие слова, не помню, какие, — и так начал читать.

Арифметика, которой начали меня учить на шестом году, была куда более серьёзным делом; однако я научился вычитанию и сложению.

Городское училище было грязноватым двухэтажным каменным домом. Внутри тоже было грязно. Парты изрезаны, исчерчены, стены серы, в трещинах; пол деревянный, простой, — не то что паркет и картины реального училища.

Здесь встретил я многих пострадавших реалистов, изгнанных за неуспешность и другие художества. Видеть товарищей по несчастью всегда приятно.

Был тут Володя Скопин, мой троюродный, по матери, брат; рыжий Быстров, удивительно лаконичному сочи-

* Впервые опубликовано в журнале «Звезда», 1931, № 2.

нению которого: «Мёд, конечно, сладок» я одно время страшно завидовал; тщедушный, дурашливый Демин, ещё кое-кто.

Вначале, как падший ангел, я грустил, а затем отсутствие языков, большая свобода и то, что учителя говорили нам «ты», а не стеснительное «вы», начали мне нравиться.

По всем предметам, за исключением закона Божьего, преподавание вёл один учитель, переходя с одними и теми же учениками из класса в класс.

Они, то есть учителя, иногда, правда, перемещались, но система была такая.

В шестом классе (всего было четыре класса, только первые два делились каждый на два отделения) среди учеников были «бородачи», «старики», упорно путешествовавшие по училищу сроком на два года на каждый класс.

Там происходили бои, на которые мы, маленькие, взирали с трепетом, как на битву богов. «Бородачи» дрались рыча, скакали по партам, как кентавры, нанося друг другу сокрушительные удары. Драка вообще была обычным явлением. В реальном драка существовала как исключение и преследовалась очень строго, а здесь на всё смотрели сквозь пальцы. Дрался и я несколько раз; в большинстве случаев били, конечно, и меня.

Отметка моего поведения продолжала стоять в той норме, которую мне определила судьба ещё по реальному училищу, редко поднимаясь до 4. Зато гораздо реже оставляли меня «без обеда».

Преступления всем известные: беготня, возня в коридорах, чтение за уроками романа, подсказывание, разговоры в классе, передача какой-нибудь записки или рассеянность. Напряжённость жизни этого заведения была так велика, что даже зимой, сквозь двойные рамы, на улицу вырывался гул, подобный грохоту паровой мельницы. А весной, с открытыми окнами... Лучшее всех об этом выразился Деренков, наш инспектор.

— Постыдитесь, — увещевал он галдящую и скачущую ораву, — гимназистки давно уже перестали ходить мимо училища... Ещё за квартал отсюда девочки наспех бормочут: «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!» — и бегут в гимназию кружным путём.

К тому времени, под влиянием Купера, Э. По, Дефо и жюль-верновского «80 тысяч вёрст под водой», у меня начал складываться идеал одинокой жизни в лесу, жизни охотника. Правда, в двенадцать лет я знал русских классиков до Решетникова включительно, но указанные выше авторы были сильнее не только русской, но и другой, классической европейской литературы.

Я хаживал с ружьём далеко, на озёра и в лес, и часто ночевал в лесу, у костра. В охоте мне нравился элемент игры, случайности; поэтому я не делал попытки завести собаку.

Одно время у меня были старые охотничьи сапоги, купленные мне отцом; когда они сносились, я, придя к болоту, снимал свои обыкновенные сапоги, вешал их через плечо, засучивал штаны до колен, так и охотясь — босиком.

По-прежнему добычей моей были кулики разных пород: черныши, перевозчики, турухтаны, кроншнепы; изредка — водяные курочки, утки.

Стрелять влёт я ещё не умел. Старое шомпольное ружьё — одностволка, стоимостью три рубля (прежнее разорвалось, едва не убив меня), самым способом заряжания мешало стрелять так часто и скоро, как хотелось бы. Но не только добыча привлекала меня.

Мне нравилось идти одному по диким местам, где я хочу, со своими мыслями, садиться, где хочу, есть и пить, когда и как хочется. Я любил шум леса, запах мха и травы, пестроту цветов, волнующую охотника заросль болот, треск крыльев дикой птицы, выстрелы, стелющийся пороховой дым; любил искать и неожиданно находить.

Множество раз я строил, мысленно, дикий дом из брёвен, с очагом и звериными шкурами на стенах, с книжной полкой в углу; под потолком были развешаны сети; в кладовой висели медвежьи окорока, мешки с «пеммиканом»*, майсом и кофе. Сжимая в руках ружьё с взведённым курком, я протискивался среди густых ветвей чащи, представляя, что меня ждёт засада или погоня.

В виде летнего отдыха отца посылали иногда на большой Сенной остров, от го-

* Пеммикан — измельченное в порошок и высушенное на солнце мясо — пища североамериканских индейцев.

рода верстах в трёх; там был больничный земский покос. Покос продолжался около недели; косили тихие помещанные или испытуемые из павильонов больницы. Я и отец жили тогда в хорошей палатке, с костром, чайником; спали на свежем сене и удили рыбу. Кроме того, я ходил дальше, вверх по реке, вёрст за семь, где были озёра в ивняке, и стрелял уток. Уток мы варили охотничьим способом, в гречневой каше. Их я приносил редко. Самой главной и обильной моей добычей, осенью, когда на полях оставались копны и жнитво, были голуби. Тысячными стаями слетались они из города и деревень на поля, подпускали близко, и от одного выстрела, бывало, ложилось сразу несколько штук. Жареные голуби жёстки, поэтому я варил их с картофелем и луком; хорошее получалось кушанье.

У первого моего ружья был очень тугой курок, сильно разбивавший капсюль, а надеть на расплёпанный капсюль пистон являлось задачей. Он еле держался и иногда сваливался, упраздняя выстрел, или давал осечку. У второго ружья курок был слабый, что тоже вызывало осечки.

Если на охоте у меня не хватало пистонов, я, мало стесняясь этим, прицеливался, держа ружьё одной рукой у

плеча, а другой поднося к капсюлю горящую спичку.

Предоставляю судить специалистам, насколько такой способ стрельбы может быть успешен, так как дичь имела довольно времени надумать — стоит ли ей ждать, пока огонь накалит капсюль.

Несмотря на мою действительную страсть к охоте, у меня никогда не было должной заботы и терпения снарядиться как следует. Я таскал порох в аптекарской склянке, отсыпая его на ладонь при зарядании — на глаз, без мерки; дробь лежала в кармане, часто один и тот же номер на всякую дичь — например, крупный, № 5, шёл и по кулику и по воробьиной стае или, наоборот, мелкий, как мак, № 16 летел в утку, только обжигая её, но не сваливая.

Когда плохо сделанный деревянный шомпол ломался, я срезал длинную ветку и, очистив её от сучков, гнал в ствол, с трудом вытаскивая обратно.

Вместо войлочного пыжа или кудельного я очень часто забивал заряд комком бумаги.

Неудивительно, что добычи у меня было мало при таком отношении к делу.

Впоследствии, в Архангельской губернии, когда я был там в ссылке, я охотился лучше, с настоящими припасами и патронным ружьём, но небрежность и торопливость сказывались и там.

Об этой одной из интереснейших страниц моей жизни я расскажу в следующих очерках, а пока прибавлю, что только раз я был доволен собой вполне — как охотником.

Меня взяли с собой на охоту взрослые молодые люди, бывшие наши квартирные хозяева, братья Колгушины. Уже тёмной ночью мы возвращались с озёр к костру. Вдруг, покрякивая, свистнула крыльями утка и, плеснув по воде, села на небольшое озерко, шагах в тридцати.

Вызвав смех спутников, я прицелился на звук плеска севшей в чёрной тьме утки и выстрелил. Слышно было, что утка забила в камышах: я попал.

Две собаки не могли найти мою добычу, чем даже сконфузили и рассердили своих хозяев. Тогда я разделся, полез в воду и, по горло в воде, разыскал убитую птицу по смутно чернеющему на воде её телу.

<...>

Иногда я писал стихи и посылал их в «Ниву», «Родину», никогда не получая ответа от редакций, хотя прилагал на ответ марки. Стихи были о безнадежности, беспросветности, разбитых мечтах и одиночестве, — точь-в-точь такие стихи, которыми тогда были полны еженедельники. Со стороны можно было подумать, что пишет сорокалетний чеховский герой, а не мальчик одиннадцати-пятнадцати лет.

Для своего возраста я начал недурно рисовать с семи лет, и мои отметки по рисованию всегда были 4–5. Я хорошо копировал рисунки и сам научился писать акварелью, но это были тоже копии рисунков, а не самостоятельные работы, всего два раза я сделал акварелью цветы. Второй рисунок — водяную лилию — я увёз с собой в Одессу, а также взял краски, полагая, что буду рисовать где-нибудь в Индии, на берегах Ганга...

В городском училище я учился посредственно, был на плохом счету, как озорник, хотя и там, кроме возни, драк, непослушания и подказывания, ничего особенного не творил. Мне хорошо давались лишь словесность, история, закон Божий и писание сочинений. Наш класс вёл добрейший человек, фамилию* которого я, к сожалению, забыл; впоследствии он стал инспектором Глазовского городского училища.

<...>

Я кончил наконец училище без инцидентов и, получив аттестат (средняя отметка — 3, по поведению — 5, ради того, чтобы не портить мне жизнь), начал собираться в Одессу.

Теперь я расскажу, с чего это началось.

Отчасти очень дальними родственниками по матери — а больше просто знакомыми — приходились нам Чернышёвы. Отец Чернышёв был протоиерей кафедрального собора. У него был сын — Серёжа, двумя или тремя годами старше меня, тихий, малоспособный мальчик; исключили его за неуспешность, или же сами родители взяли из семинарии — точно не помню. Только в один прекрасный день я узнал, что Серёжа отправился в Одессу, поступил в Херсонские мореходные классы и совершил кругосветное путешествие.

Торжествующие родители показывали цветную фотографию. На ней был изображён молодой моряк, одетый в форму матроса; на ленте бескозырной фуражки можно было прочесть: «Императрица Мария». Ленты падали от затылка через плечо на грудь. Полосы клинообразно выступающего из-за голландки с синим воротником тельника долгое время не давали мне покоя; я всё решал — есть ли это часть рубашки или же это надеваете особо, как галстук. Довольно сказать, что я никогда не видел такой одежды и положительно влюбился в неё, особенно в ленты, которые, при открытой шее и бескозырьковой фуражке, придавали открытому, мужественному лицу Серёжи особый поэтический оттенок. Но, главное, я увидел возможность практического решения задачи путешествий, причём Чернышёв ещё получал жалованье!

Кроме того, аттестата городского училища было достаточно для поступления в Мореходные классы без всякого экзамена.

Отец однажды взял меня с собой к Чернышёвым, и мы выпытывали у них всё, что они знали о своём сыне. Немного я приуныл (вопрос шёл о том, где остановиться в Одессе и много ли надо на поездку денег), когда мать Серёжи сказала, что сыну они дали сто пятьдесят рублей, наказав остановиться в хорошей гостинице, и что продолжали посылать ежемесячно по двадцать пять рублей, пока Серёжа не начал получать жалованье рулевого матроса — два-

* Петров Дмитрий Константинович.

дцать два рубля с копейками на всём готовом. Теперь он плавал уже в Добровольном флоте на «Саратове», был в Японии, Китае, Сингапуре...

Сингапуре!..

Я сидел подавленный и взволнованный. Ведь я до сих пор только мечтал, тогда как Чернышёв с лёгкостью, как мне казалось, необычайной, без шума и треска, сделался моряком дальнего плавания.

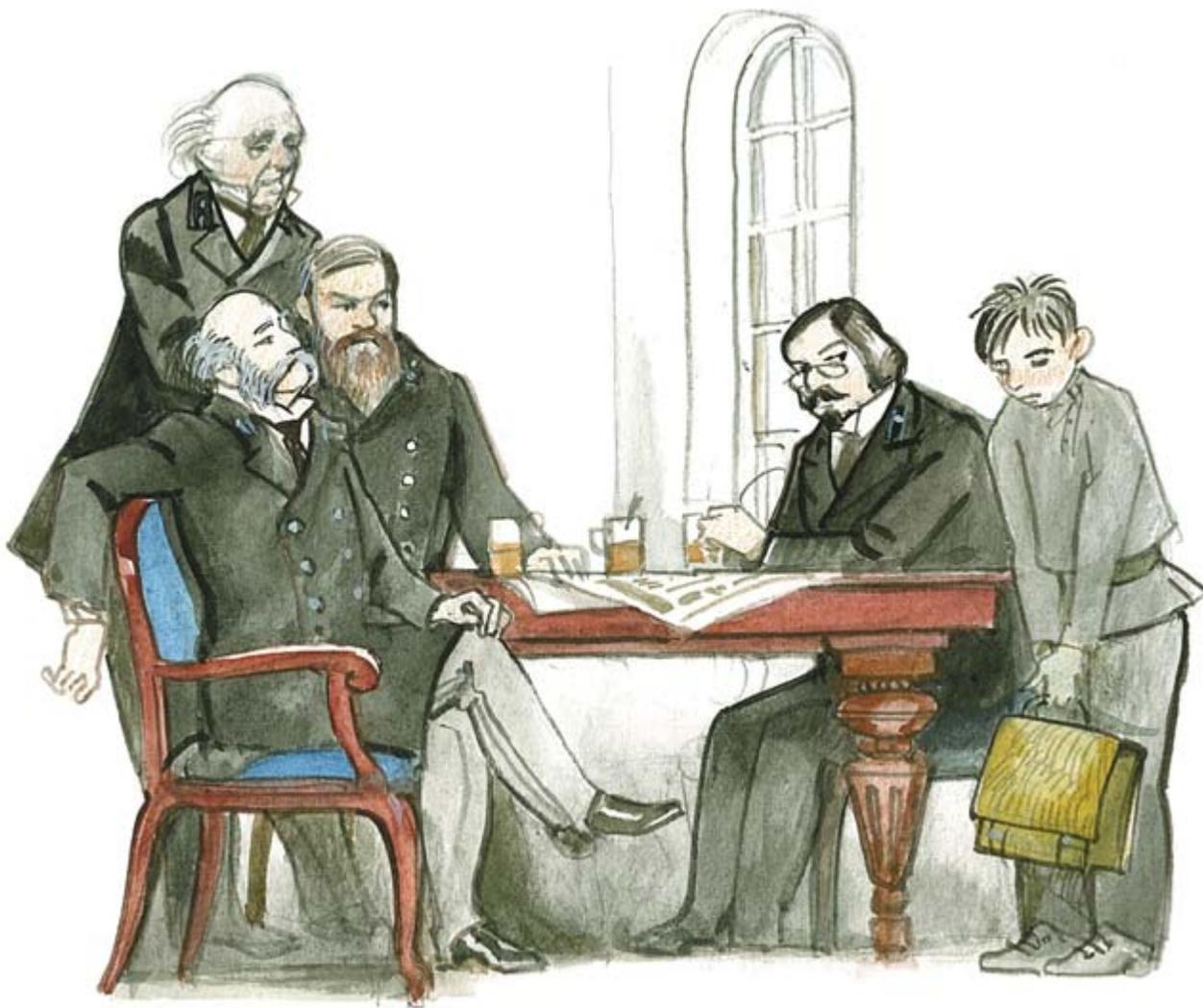
Чернышёвы, между прочим, говорили, что Серёжа «лазил на мачты». Не зная устройства вант, я был очень встревожен, так как по гимнастическим столбам всползал плохо, а лазанье на мачты представлялось мне именно карабканьем по толстому голому столбу.

Относительно мачт меня через некоторое время просветил другой Чернышёв, брат моего одноклассника Чернышёва, тоже выставленного из реального училища мальчика (за неуспешность); он одно время учился в Астраханских мореходных классах и плавал на парусных судах; я понял назначение вант, и страх

перед мачтами прошёл. Но этот Чернышёв не был для меня настоящим моряком: он плавал в закрытом море, был неуклюж, неприятно-широкоплеч, чёрен, болезненно красив и туп; в довершение всего поступил на службу в акциз.

Я старался, где мог, узнать о море, о морской службе. Одно время к деревенской девице, нашей прислуге, ходил на кухню её брат; он же колот нам дрова. Этот парень был матросом в Одессе. О Мореходных классах он ничего не знал, и я разочаровался, потому что этот человек не понимал меня. Меня интересовали впечатления далёких стран, бурь, битв с пиратами, а он говорил о пайке, жалованье и дешёвизне арбузов.

Весной 1895 года я увидел в жаркий день на пристани извозчицью «долгущу»; на ней, небрежно развалясь, сидели, обложенные чемоданами, два штурманских ученика в белой матросской форме. На ленте одного написано было «Очаков», на другой — «Севастополь». Загорелые, беспечные лица юношей, грызших семечки, привлекали внима-

ние прохожих. Я остановился, смотрел как зачарованный на гостей из таинственного для меня, прекрасного мира.

Я не завидовал. Я испытывал восхищение и тоску. Так я и не узнал, приезжали ли эти молодые люди в гости к кому-нибудь или домой, — я больше их не видел.

Немного погодя прошёл слух ещё об одном моряке, явившемся домой на время; это был молодой, коротко остриженный, белёсый человек серьёзного типа: он одевался в штатское (особый английский шик, как я узнал позже) и курил трубку.

Отец узнал его адрес, и, страшно стесняясь, я посетил моряка; когда я пришёл, он стоял у калитки; тут же мы и поговорили. Его фамилии я не помню. Ничего особенно нового я не узнал. Моряк считал парусные суда лучшей школой, был в каботаже (то есть плавал внутри Чёрного моря) и рассказывал, сколько для практики надо выплавать за время учения, — что-то года полтора, кажется.

Я видел, что он смотрел на море как на работу, а не как на героическую поэзию, и отвернулся от него сердцем своим.

<...>

21 июня отец, получив жалованье, дал мне двадцать пять рублей на дорогу. Больше он дать не мог. От умершей матери остался маленький Борис; прибавились: Павел, мачехин сын, и, от нее же, новый ребёнок, мальчик.

Из этих денег я купил за шестьдесят копеек ивовую корзинку, на сорок ко-

пеек табаку и гильз. В корзинку мне положили немного белья, мыло, серые ученические брюки из полубумажной материи, такую же курточку, а на мне были парусиновые блуза и брюки. В соломенной дешёвой шляпе и тяжёлых, до колен высотой, охотничьих сапогах, я собрался ехать в Одессу. Я был в чрезвычайном волнении. До сих пор, если не считать Слободского, я не покидал Вятки, а тут предстояло уехать за две тысячи вёрст. Множество раз в день я доставал из кармана свой старый кошелек и пересчитывал синие ассигнации с мелочью; я казался себе миллионером.

Двадцать третьего отходил пароход в Казань в двенадцать часов дня. Перед отправлением на пристань собрались меня провожать сёстры, мачеха, маленький брат и Павел. Настроение было торжественное. Отец сказал:

— Надо присесть...

Присели в молчании. Потом отец встал, сказав:

— Ну, вот и вылетела птичка из гнезда.

Я видел, что он скрывает слёзы.

— Ну, Александр, будь умницей, хорошо учись, надейся на себя и свои силы, помни, что я тебе уделить ничего не могу. Пиши обо всём.

— Да, завидная участь, — сказала мачеха, — увидеть чужие страны, увидеть... много чего такого. — Она простилась со мной довольно тепло.

Девочки ревели. Младший брат, Борис, тоже начал голосить.

Я с отцом сели на извозчика и через полчаса были на пристани. На дорогу мне дали разной провизии, чаю, сахару, стакан и жестяной чайник. Снеся на нижнюю палубу корзинку и одеяло с подушкой (ехал я третьим классом), я взял в кассе билет, а через минуту уже начали убирать сходни.

Я пошёл наверх, стал у поручня. Пароход заворачивал на середину течения. Я долго видел на пристани, в толпе, растерянное, седобородое лицо отца, видел, как он щурился против солнца, стараясь не потерять меня из виду среди пароходной толпы.

Я тоже стоял и смотрел, махая платком, пока пароход не обогнул береговой выступ. Тогда я, с сжавшимся сердцем, пошёл вниз.

Был я и смятён, и ликовал. Грезилось мне море, покрытое парусами...

Преображённая реальность

Александр Грин (Александр Степанович АГриневский) — один из самых замечательных, но вместе с тем и самых загадочных русских писателей XX века. «Переводчик с неизвестного», — однажды пренебрежительно отозвалась о нём Анна Ахматова. Но она всего лишь повторила бородатый анекдот о Грине (не исключено, что его автором был сам писатель). В юности Грин много путешествовал по югу России, часто в полунищем состоянии. Кого только он ни встречал на своём пути... Говорили, будто бы он убил английского шкипера и отобрал у него чемодан с рукописями. А потом только и занимался переводами и публикацией присвоенных текстов.

Нет, в реальности не было никакого шкипера, но было детство, проведённое в Вятке. Отец будущего писателя, польский шляхтич, за участие в Январском восстании 1863 года был сослан в Сибирь на вечное поселение. Позже ему разрешили переехать в Вятскую губернию. В семье было четверо детей (Александр — старший), отец — бухгалтер земской больницы — едва сводил концы с концами. Мальчик рос сообразительный, он

научился читать в 6 лет, и мир книг стал для него единственным просветом в душной атмосфере провинции, которую он впоследствии назвал «болотом предрассудков, лжи и ханжества». В 1889 году в возрасте 9 лет Александра отдали в местное реальное училище, где он закончил два класса, но был отчислен за сочинённое им юмористическое стихотворение об учителях. Заканчивать образование пришлось в менее престижном Вятском городском училище. Когда ему было 15 лет, умерла его мать. Отец женился повторно, и мачеха привела в дом собственного сына. Александр с мачехой не ужился и поселился отдельно. Он учился и использовал любую возможность заработать: переписывал документы, а также тексты ролей для местного театра, переплетал книги.

В 16 лет, окончив училище, с 25-ю рублями в кармане отправился в Одессу, где хотел стать матросом на корабле дальнего плавания. Жизнь не баловала юношу. Чтобы стать матросом, нужно было иметь богатырское телосложение, самоуверенность и жизненный опыт. Поэтому проплавал он совсем недолго, а затем пошёл набираться жизненного опыта:

работал рыбаком, грузчиком, пожарным, золотоискателем, служил в пехотном полку, был профессиональным революционером. За антиправительственную агитацию попал в тюрьму, здесь и написал свой первый рассказ. После нескольких ссылок, в 1912 году осел в Петербурге и, оставив политику, занялся литературой. Грин (такой он себе выбрал псевдоним) прекрасно знал издательский мир и был лично знаком с большинством писателей тех лет. Но и в литературе его путь не был «Невским проспектом», он испытал и успех, и гонения. После 1924 года писатель Грин переехал в Феодосию «подальше от вьюги» и столичной суеты (его дом-музей является достопримечательностью города).

Можно сказать, что именно житейские трудности и непростая судьба «выковали» неповторимый стиль, метод преображения в особую художественную реальность. В создании своей тщательно продуманной параллельной реальности, в которой живут и действуют его герои, он является предтечей таких писателей современности, как Дж. Р. Р. Толкин, Урсула Ле Гуин и Дж. Роулинг. На первый взгляд его герои напоминают рядовых персонажей популярной приключенческой литературы. Эдгар По продемонстрировал, каких высот можно достичь в этом жанре. Но у Грина это только внешняя оболочка. Романтический вымысел, замысловатые приключения — совсем не то, что по-настоящему волнует писателя.

Как это ни парадоксально звучит, можно сказать, что Грин стремится к реализму, но реальность в его произведениях преображённая. Прекрасно иллюстрирует сказанное рассказ «Крысолов», написанный в 1924 году, посвящённый жизни в послереволюционном Петрограде. Сохранились воспоминания о том, как он работал над ним, собирая детали и вплетая их в ткань повествования. Друживший с писателем журналист и кинокритик Эдгар Арнольди однажды рассказал ему о случае, произошедшем с его знакомым. Этот знакомый — Яков Петрович — был известным специалистом по снабжению и служил в штабе Башкирской бригады, расквартированной в Петрограде. Он жил в заброшенной, большой и холодной барской квартире, в которой от прежних владельцев остался висевший на стене телефон, давно отключённый от линии. Яков Петрович часто засиживался допоздна, разбирая бумаги при свете керосиновой коптилки. И вот однажды ночью, когда он по обыкновению работал, раздался звонок отключённого телефона. Схватив трубку, Яков

Петрович услышал: «Сейчас с вами будет говорить товарищ Авров», и через минуту в трубке раздался его голос.

Авров был военным комендантом Петрограда, человеком огромного авторитета и власти. Как удалось узнать впоследствии, ему понадобилось обсудить с Яковом Петровичем какие-то вопросы снабжения. Выяснилось, что у того дома есть телефон, но он не действует. «Значит надо сделать, чтобы он действовал», — отдал распоряжение Авров. Телефонисты из военной части моментально протянули полевой провод, забрались на крышу и наживую подсоединили телефон. Всё это время они сидели на крыше, а как только разговор закончился, тут же отключили аппарат.

Грину очень понравился сюжет, когда звонит неработающий телефон, и он включил его в рассказ. Писатель жил тогда в Доме искусств на Мойке. А недалеко было заброшенное здание банка, с которого он срисовал интерьеры для этого рассказа — те самые огромные пустые залы с разливами бумаги, «струящимися из распахнутых шкафов». Но главная тема рассказа — несомненно, эпическая панорама наводнённого крысами Петрограда. Фантазмагорическая реальность нуждалась для своего отображения в фантазмагорических средствах.

Но в произведениях Грина ещё важнее, чем художественное отображение реальности, установка на преобразование этой реальности. Нельзя просто ждать, пока сбудется твоя мечта, нужно осуществить её самостоятельно! Это и есть чудо, доступное человеку. И возможность этого чуда, более того, его необходимость зримо продемонстрирована всем творчеством писателя.

Есть у Александра Степановича несколько, казалось бы, чисто документальных рассказов, в том числе приводимые в этом номере воспоминания детства. Но не нужно заблуждаться — это тоже преображённая реальность, просто в результате невероятного стечения обстоятельств частично совпадающая с обыденной действительностью. Яркость, убедительность образов Грина просто поразительна. В описаниях его фантастических приморских городов мы живо ощущаем терпкий пейзаж крымского побережья. В юности эти пейзажи узнаются мгновенно. А книги, прочитанные в зрелые годы, как никакие другие, неизменно возвращают нас в детство. Наверное в этом и есть секрет непреходящего интереса к творчеству писателя.

Даниил Санкин

Военный Парад 24 июня 1945 года: *триумф народа-победителя*

Решение о проведении парада победителей было принято И. В. Сталиным 15 мая 1945 г. вскоре после Дня Победы. Заместитель начальника Генерального штаба генерал армии С. М. Штеменко вспоминал: «Верховный главнокомандующий приказал нам продумать и доложить ему наши соображения о параде в ознаменование победы над гитлеровской Германией, при этом указал: «Нужно подготовить и провести особый парад. Пусть в нём будут участвовать представители всех фронтов и всех родов войск...»

На парад предполагалось вывести десять сводных полков фронтов и сводный полк Военно-Морского

Флота. К участию в нём привлекались также слушатели военных академий, курсанты военных училищ и войска Московского гарнизона, а также военная техника, в том числе авиация. На фронтах немедлен-

но приступили к формированию и укомплектованию сводных полков.

Для принимающего парад и командующего парадом заблаговременно подобрали коней: маршалу Г. К. Жукову — белого светло-серой

Войска 2-го Белорусского фронта

С. Будённый, И. Сталин, Г. Жуков

масти терской породы по кличке «Кумир», маршалу К. К. Рокоссовскому — вороного краковой масти по кличке «Полус».

Период подготовки к параду ознаменовался особо радостным и волнующим для его участников событием — вручением наград. 24 мая 1945 г. заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР

Н. М. Шверник вручил маршалам Г. К. Жукову, И. С. Коневу, Р. Я. Малиновскому, К. К. Рокоссовскому и Ф. И. Толбухину ордена «Победа». 12 июня М. И. Калинин вручил Жукову третью «Золотую Звезду», а Рокоссовскому и Коневу — вторую. Одновременно эту награду получили И. Х. Баграмян и А. И. Ерёменко.

Начиная с 10 июня 1945 г. медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», учреждённой 9 мая 1945 г., первыми в Вооружённых Силах были награждены фронтовики — участники Парада Победы. Попутно проводился обмен орденов и медалей, имевших дефекты, а также вручённых ещё в 1941–1943 гг., на новые, появившиеся после введения в 1943 г. орденских планок. По указанию Генерального штаба в Москву из частей 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов (из Берлина и Дрездена) доставили около 900 единиц трофейных знамён и штандартов.

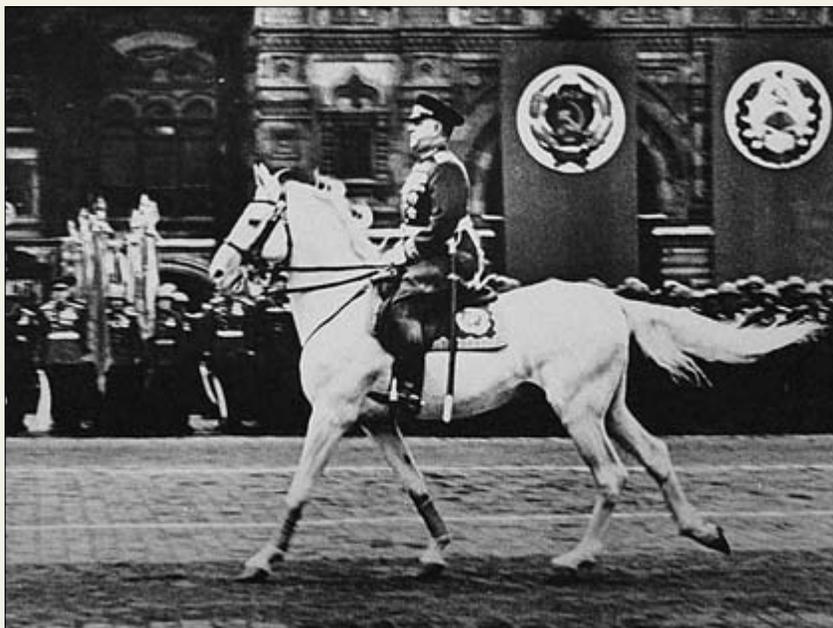
И вот наступило утро 24 июня 1945 г., пасмурное и дождливое. Вода стекала по каскам и обмундированию построенных к 8 часам сводных полков фронтов, слушателей военных академий, курсантов военных

Танковая колонна на Параде Победы

училищ и войск Московского гарнизона. К девяти часам гранитные трибуны у Кремлёвской стены были до отказа заполнены депутатами Верховного Совета СССР и РСФСР, работниками наркоматов, деятелями культуры, участниками юбилейной сессии Академии наук СССР, тружениками московских заводов и фабрик, иерархами Русской православной церкви, иностранными дипломатами и многочисленными зарубежными гостями. В 9 часов 45 минут под аплодисменты собравшихся на Мавзолей поднялись члены Политбюро ЦК ВКП во главе с И. В. Сталиным.

Командующий парадом К. К. Рокоссовский на вороном коне под пунцовым чепраком занял место для движения навстречу принимающему парад Г. К. Жукову. Ровно в 10 часов, с боем кремлёвских курантов, Г. К. Жуков на белом коне

Маршал Г. К. Жуков

выехал на Красную площадь.

В 10 часов 5 минут начался объезд войск. Г. К. Жуков поочерёдно здоровался с воинами сводных полков и поздравлял участников Парада с победой над Германией. Могучее «Ура» громом разносилось над Красной площадью. Объехав войска,

маршал поднялся на трибуну. По поручению ЦК партии и советского правительства Георгий Константинович поздравил советский народ и его доблестные Вооружённые Силы с победой. После этого торжественно прозвучал Гимн Советского Союза в исполнении 1400 военных музыкантов, раз-

Гости Парада Победы 1945 года

Поверженные фашистские знамёна

дались 50 залпов артиллерийского салюта, и над площадью разнеслось троекратное «Ура!».

Торжественный марш победителей открыл командующий парадом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Гигантский оркестр численностью 1400 музыкантов сопровождал движение войск. Каждый сводный полк проходит под свой боевой марш почти без пауз. И вдруг оркестр смолк, и в этой тишине начали бить 80 барабанов. Вперёд вышла особая рота с двумя сотнями вражеских знамён. Полотнища их почти волочились по мокрой брусчатке площади. У подножья Мавзолея находились два деревянных помоста. Поравнявшись с ними, бойцы делали поворот направо и с силой бросали на них гордость Третьего рейха. С глухим стуком падали древки. Полотнища устилали помост. Трибуны взорвались аплодисментами.

Дробь барабанов продолжалась, и перед Мавзолеем росла гора предаваемых позору вражеских знамён. И с годами не меркнет этот полный глубокого смысла акт, запечатленный в фотографиях, плакатах, картинах, увековеченный в книгах и фильмах.

Парад Победы длился 2 часа (122 минуты) под проливным дождём, но тысячи людей, заполнивших Красную площадь, казалось, не замечали его. Однако пролёт авиации над Красной площадью и демонстрация трудящихся столицы из-за непогоды были отменены. К вечеру дождь прекратился, и на

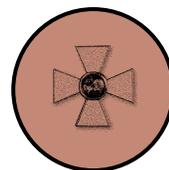
улицах Москвы продолжился праздник. На площадях гремели оркестры. А вскоре небо над городом озарилось праздничным салютом. В 23 часа из 100 аэростатов, поднятых зенитчиками, залпами полетели 20 тыс. ракет. Так завершился тот исторический день. 25 июня 1945 г. в Большом Кремлёвском дворце состоялся приём в честь участников Парада Победы.

Военный парад 24 июня 1945 г. — это триумф народа-победителя, военного искусства советских полководцев, всех Вооружённых Сил, их боевого духа. В нём приняли участие 24 маршала, 249 генералов, 2536 других офицеров, 31 116 сержантов и солдат.

*Материал подготовлен
Научно-исследовательским
институтом (военной истории)
Военной академии Генерального
штаба Вооружённых Сил
Российской Федерации (текст
дан в сокращении).*

Два друга

Из книги «От Москвы до Берлина»

ЧЕСТЬ ИМЕЮ!

Сергей Алексеев
Художник Г. Мазурин

Пётр Ерёмин и Василий Дудочкин — два неразлучных друга. Два лейтенанта. Два комсомольца. Оба — танкисты. Окончили вместе училище. Сдружились ещё в училище. У обоих одна мечта — вместе, рядом хотят сражаться. Рвутся оба в героический Сталинград.

Настойчивым был лейтенант Ерёмин. Обошёл в пять этажей начальство. Добрался до важного генерала. И генералу про друга, про встречу с другом, про сражающийся Сталинград. Улыбнулся генерал. Посмотрел на Ерёмина:

— Похвально. И о друге — похвально. — Затем наклонился и тихо: — Надеюсь, исполнится ваше желание.

Да только мечты мечтами. На деле порой другое. Разошлись их солдатские службы. Ерёмин попал на Юго-Западный фронт. Дудочкин, хоть и на Сталинградский, но, как назло, от Сталинграда к югу. Стоит их механизированный корпус почти у самых калмыцких степей, между озёрами Цаца и Барманцак.

Обидно друзьям до слёз. Не исполнилось их желание.

Тихо на Юго-Западном фронте. Ещё тише здесь — на Сталинградском, между озёрами Цаца и Барманцак.

Битва кипит на Волге. Рвутся танкисты в бой. Пишет Ерёмин рапорт начальству. Пишет про лучшего друга, лейтенанта Дудочкина: мол, разлучили, мол, вместе желают биться. Просит направить в сражающийся Сталинград.

И Дудочкин рапорт строчит начальству. Пишет про лучшего друга лейтенанта Ерёмина, и тоже, конечно, про Сталинград. Что-то не отзываются, молчат командиры.

И лейтенант Дудочкин парень упорный. Обошёл в пять этажей начальство. Добрался до важного генерала. Посмотрел генерал на Дудочкина:

— Ну что ж, надеюсь, исполнится ваша просьба.

Доволен Ерёмин. Доволен Дудочкин. Готовы к отбытию. Только что-то отправки нет. Хотели снова бежать к начальству. Да тут...

Давно уже Ставка Верховного главнокомандования разрабатывала грандиозный и дерзкий план разгрома фашистов у стен Сталинграда. Генералы Жуков,

Василевский, Воронов, другие советские военачальники провели десятки бессонных ночей, разрабатывая детали будущей битвы. Вот как выглядел её план. Решительными ударами с севера и с юга окружить фашистов в районе Сталинграда, зажать их в огромное кольцо и уничтожить.

1942 год. Раннее утро. 19 ноября. Юго-Западный фронт.

— По танкам! — прошла команда.

Бросился Ерёмин к танку. Здесь узнаёт приказ. Пошёл с севера в грандиозное наступление их Юго-Западный фронт.

А через день и лейтенанту Дудочкину сообщают приказ. Пошёл в наступление с юга их Сталинградский фронт.

Оглушительный грохот потряс Приволжские степи. Это начала стрелять советская артиллерия. Заработали миномёты. Ударили знаменитые «катюши». Затем в бой ринулись грозные танки. И, наконец, с криком «Ура!» неудержимо рванулась вперёд всепобеждающая советская пехота.

Четыре дня советские танкисты, пехотинцы, артиллеристы, конники, наступая навстречу друг другу, громили фашистов.

Продолжали двигаться вперёд и танковые соединения, в которых служили молодые лейтенанты Пётр Ерёмин и Василий Дудочкин.

Танки проходили через отвесные овраги и глубокие рвы, прорывали проволочные заграждения, подминали вражеские пушки и пулемёты и снова с боями шли вперёд и вперёд.

Мчится на танке лейтенант Ерёмин. Весь он в великой битве. Жалеет лишь об одном: «Эх бы сюда Василия!»

А в это время с юга навстречу лейтенанту Ерёмину лейтенант Дудочкин летит на танке. Весь он в великой битве. Об одном лишь жалеет Дудочкин, что так и не успел он с лейтенантом Ерёминым встретиться: «Вот бы сюда Петра».

Стремительно движутся танки. И вот 23 ноября 1942 года рядом с Доном, за Калачом, встретились части двух разных фронтов.

Видит Ерёмин — танки летят навстречу.

— Наши! Наши! — кричат кругом.

Встретились танки двух разных фронтов — Юго-Западного и Сталинградского, замкнули кольцо окружения.

Отбросил Ерёмин крышку танкового люка. Вылез наружу. Спрыгнул на снег. Смотрит — бросились люди навстречу друг другу. Не скрывают солдаты радости. Обнимают один другого. Шлемы бросают вверх.

Не отставать же Петру Ерёмину. Обнял одного, обнял другого. Бросился к третьему. Расцеловал. По плечу похлопал. Глянул — да это же Дудочкин! Василий Дудочкин.

— Вася! — закричал Ерёмин.

— Петя! — вскрикнул Дудочкин.

Повстречались друзья, как в сказке. Обнялись до боли в плечах.

Повстречались, обнялись. Смотрят, а рядом — два генерала, их генералы, те самые. Обнимаются генералы. Друг друга до боли в костях сжимают.

— Лёня! — кричит один.

— Саня! — в восторге кричит другой.

Увидели генералы Ерёмина и Дудочкина.

— Ну как?

— Встретились! Встретились! — закричали Ерёмин и Дудочкин.

Улыбаются генералы:

— Ну что ж, добрая встреча, добрая. Побольше таких бы встреч.

Наступление Юго-Западного и Сталинградского фронтов завершилось полным успехом. Огромная 330-тысячная фашистская армия, штурмовавшая Сталинград, оказалась как волк в капкане.

Горенки

Вид на главный дом и усадебный пруд

Фото Вадима Разумовского

Транспорт по Шоссе Энтузиастов — дороге, ведущей от Москвы к Нижнему Новгороду — чаще всего движется медленно, стоит в пробках. Пассажиры автобусов и владельцы личных машин имеют немало времени, чтобы любоваться окрестностями. Но от самой Москвы до ближайшего города-спутника Балашихи пейзажи скучны: тянутся заборы промзон и воинских частей. Только в одном месте неожиданно возникает просвет — гладь широкой реки и живописные заросли по берегам заводи. Но потом снова начинается скучная оштукатуренная стена, на воротах которой неинтересная надпись сообщает, что здесь располагается садовый питомник. Если путешественнику не нужны свежие цветы или саженцы плодовых деревьев, он равнодушно отвернется.

Но за этой стеной на самом деле скрывается немало исторических загадок и причудливых биографических сюжетов. Если вы всё же выйдете из автобуса и пройдёте немного по дорожке, то увидите огромный дворец в классическом стиле, а за ним заросший парк с искусственным островом,

гротом, плотиной, старыми деревьями. Это старинная дворянская усадьба «Горенки».

Но только ни музейной экспозиции, ни стенда, который пояснит бы вам, что вы видите перед собой, вы не найдёте. Изучить историю этой дворянской усадьбы нам придётся самостоятельно, но это ведь само по себе — увлекательное дело. Каждый посетитель этой усадьбы становится как бы первооткрывателем исторических мест.

Прежде всего путешественника, приехавшего в Горенки, поражает запустение. Центральный дворец усадьбы недавно привели в порядок, но остальные небольшие постройки и внушительная колоннада, ведущая от дворца к запруде на речке Чернавке, находятся в плачевном состоянии. Заводь на Чернавке каждое лето покрывается клубами цветущих водорослей и коричневой тиной, а парк давно одичал и превратился в бурелом. На дальнем от дворца крае парка на берегу речки дачники устроили дикий пляж с неизменными шашлыками и горами мусора.

Но будет ошибкой обвинять в этом запустении только наших современников. Они

Усадьба Горенки — одна из самых больших усадеб Подмосковья

виновны лишь в том, что не убирают после себя мусор. Запустение усадьбы началось не сейчас и даже не после революции, которую мы привычно обвиняем во всех разрушениях и бедах. Уничтожить усадьбу начали ещё в первой половине XIX века, когда умер её хозяин граф Алексей Кириллович Разумовский, министр народного просвещения Российской империи, попечитель Московского университета и создатель устава Царскосельского лицея.

Именно Разумовский построил (точнее, перестроил) дворец в Горенках, дошедший до наших дней. Его архитекторы планировали парк, который сейчас зарастает. Даже садовый питомник, который нынче является главным «производством» в Горенках, берёт начало от сада, устроенного здесь Разумовским.

Тут, в оранжереях и на открытом грунте, выращивались сотни редких растений из разных стран мира. Коллекция растений Разумовского после его смерти легла в основу московского Ботанического сада, а многие диковинки были распроданы поштучно частным лицам.

Руины старинного дома

Балашиха. «Горенки»

У Разумовского было 14 детей, и тем не менее никто не захотел унаследовать имение. В конце концов оно было продано князю Юсупову, который сразу же перепродал его, а все ценности — богатейшую библиотеку Разумовского и многочисленные статуи — увёз в своё имение Архангельское.

Новые хозяева и не пытались воссоздать здесь центр культуры, которым Горенки стали при Разумовских. Огромное здание дворца показалось им подходящим для устройства ткацкой фабрики, и при установке станков пришлось пробить в разных местах потолок. В парке устроили литейный цех.

Фабрику удалось «выжить» только в начале XX века. Новый хозяин Севрюгов вложил немало средств в реставрацию парка и дворца, но потом началась пора исторических катаклизмов, когда на масштабную реставрацию уже нельзя было найти средств, и Горенки снова начали ветшать. В помещениях усадьбы располагались исполком, детский дом и санаторий «Красная Роза» (он продолжает работать до сих пор). Эти учреждения, видимо, не имели ни возможности, ни желания заниматься восстановлением усадьбы и тем более музейной работой.

Разрушенная стена усадебного дома

Колоннада усадьбы «Горенки»

Так почему же наследники Разумовского (среди которых были такие известные люди, как писатель Антоний Погорельский и крымский губернатор Николай Перовский, внук Разумовского писатель Алексей Константинович Толстой) так легко расстались с усадьбой и не попытались в неё вернуться? Дело, наверное, в том, что семейная жизнь графа была не вполне благополучна. Развод графа с первой женой поссорил детей между собой, запутал наследственные отношения. Да и сама фигура графа Алексея Разумовского была противоречива: с одной стороны, он принадлежал к масонскому обществу, был пропагандистом западной культуры, с другой стороны — после войны с Наполеоном Разумовский стал консерватором, безуспешно старался отменить «прогрессивные» нововведения в учебных заведениях. Немало идейных и семейных конфликтов, видимо, происходило под крышей дворца в Горенках. Может быть, поэтому потомки не захотели вернуться туда и спасти усадьбу?

Но, может быть, «несчастья» усадьбы начались гораздо раньше, когда Горенками владели Долгорукие. Сын Алексея Долгорукого Иван был ближайшим другом юного императора Петра Второго. Здесь, в лесу возле усадьбы Горенки, Иван Долгорукий много раз охотился вместе с императором, в усадьбе они вместе отдыхали и веселились.

Императору было 14 лет, когда он умер от оспы. Но Долгоруков успел помолвить Петра со своей дочерью Екатериной. После смерти Петра II Долгоруков вдруг заявил о правах на престол своей дочери, но эта странная идея, конечно, не нашла поддержки ни в правительстве, ни в гвардии, ни у других, настоящих наследников. Долгорукова сослали за измену, и на его усадьбу тоже легла тень государственного преступления.

Усадебный пруд и грот

Усадьбу Горенки конфисковали в казну, и только в 1747 году продали Алексею Разумовскому. О тяжёлом, неприятном шлейфе долгоруковской интриги, который лежал на Горенках, Разумовскому и его потомкам было прекрасно известно.

Конечно, это всё дела давно минувших дней, от которых, казалось бы, и следа не осталось. Однако следы перед нашими глазами. И тайные козни Долгоруких, и масонство Алексея Разумовского, и семейные скандалы — всё это отразилось в судьбе усадьбы Горенки, в том числе в вещественном, материальном виде. Но Алексей Разумовский и его потомки достаточно потрудились для нашей страны, чтобы нынешние поколения отдали дань уважения этому семейству.

Всё говорит о том, что усадьба Горенки должна стать грандиозным музеем: ведь с ней связаны судьбы и русской литературы девятнадцатого века в лице её ярких представителей, и история науки, образования, и даже короткая жизнь императора Петра Второго. Отдельную экспозицию можно было бы посвятить известному режиссеру Мейерхольду и Зинаиде Райх, которые снимали в Горенках дачу. Здесь в гостях бывали и композитор Прокофьев, и создатель «Буратино» Алексей Толстой (которого не надо путать с внуком графа Разумовского), артисты Ильинский и Гарин...

Но и в таком виде, в каком сейчас существуют Горенки, они могут сослужить немалую пользу. Может быть, глядя на нынешнее запустение графского дворца, мы позаботимся о своих скромных домах: постараемся избегать интриг, коварства, измен, семейных конфликтов. Тогда, будем надеяться, наши дома устоят.

Геннадий Киселёв

Художник В. Юдин

Вильям Шекспир отдыхает...

— ...Макс, Елена Прекрасная в школу отца вызвала, — захолопал ресницами Миша.

— За что?

— Ни за что. Тебе хорошо. Лежишь, болеешь. Апельсины-мандарины трескаешь, а тут...

— По делу можешь говорить?

— Ну, принёс я мяч в школу, чтоб на переменке поиграть с ребятами. Ну, выпал он у меня из парты и покатил прямо к учительскому столу. Ну, выдала она, что у меня в голове никаких шариков, кроме этого мяча, никогда не водилось. А потом в дневнике накатала.

— Сказал бы, что дневник дома забыл.

— Как же! Она мне туда за «Чуден Днепр при тихой погоде» в начале урока трояк вlepила.

— Покажи?

— Что показать, трояк?

— Дневник покажи, центральный нападающий.

— Смотри, если хочется.

— Поглядим... «Хотелось бы, наконец, увидеть вас, Родион Фёдорович, для серьёзного разговора о сыне. Жду завтра в четырнадцать часов». Миша, у тебя же папа в театре артистом работает!

— В театре не работают, в театре служат. Так говорится.

— Как собачонка, что ли...

— А в глаз?

— Он её видел когда-нибудь?

— Откуда. У него — то спектакли, то гастролы. Ни на одном собрании никогда не был. Когда мама с нами жила, она в школу ходила.

— Что же она от такого знаменитого на весь город артиста ушла?

— Ты не поймёшь.

— А ты объясни. Это же ты ко мне за помощью прибежал, а не я. Выкладывай.

— Потому и ушла, что к славе и поклонникам его ревновала страшно. Она-то была актриса так себе. Ей ролей почти не давали. Вот и мучилась. Всё в другой город его уехать уговаривала. Вроде её на новом месте оценить должны были. А отец ни в какую!

— А чего же ты с ней не поехал?

— Не поехал и ладно. Ты это к чему такой разговор завёл?

— А к тому, что ты счастья своего не понимаешь. Фотка отца у тебя есть?

— Дома сколько хочешь. Он на фотках в разных ролях изображён. Без грима и костюма сниматься не любит. Говорит, что он человек девятнадцатого века.

— С этим не поспоришь. Отец у тебя видный мужчина. Так моя мама говорит. И девчонки наши, когда спектакль с его участием посмотрят, на следующий день только о нём и шепчутся. Короче, сейчас ты пойдёшь в школу. Там стенд есть с фотографиями наших учителей. Так ты фотку нашей классной руководительницы аккуратно вытащишь...

— У тебя самого все шарик на месте? У меня отец трагический актёр. Он из-за вызова в школу мне такую сцену устроит, что злодея шекспировского Ричарда третьего невинной забавой покажутся. А уж за фотографию Елены...

— Что значит актёрский ребёнок! Ни слова в простоте не скажет. Я ничего не понял из той белиберды, что ты наплёл про Ричарда третьего. Но предлагаю разыграть комическую сценку, где главными действующими лицами будут: твой отец и наша Елена Прекрасная. Вильям Шекспир с его «Гамлетом» могут отдохнуть.

В школе Миша на цыпочках прокрался к стенду с надписью: «Они сеют доброе, разумное и вечное» — слегка потянул рамочку с фотографией на себя... И тут раздался стук каблучков. Унимая предательскую дрожь в коленках, он с независимым видом обернулся и, к своему ужасу, увидел ту, кого в данную минуту желал бы видеть меньше всего. Проклиная про себя футбольный мяч, Макса, он не придумал ничего лучше, чем сунуть фотографию Елене Прекрасной.

— Что это значит, Медведев?!

— Елена Владимировна, меня папа попросил.

— Он попросил снять со стенда мою фотографию!?

— Если бы только снять. Вы ещё ему дарственную надпись накатать должны.

— Что я должна сделать?

— Накатать... в смысле, написать.

— Зачем заслуженному артисту республики фотография никому не известной учительницы русского языка и литературы?

— Моё дело маленькое. Он попросил, я передал. Не хотите, как хотите. — Миша понял, что в ситуации, в которую он, по совету своего лучшего друга, попал, наступил момент, когда пора было срочно «смаывать удочки».

Но следующая фраза Елены Владимировны настроила его на оптимистический лад.

— Что ты, как я могу отказать в такой пустяковой просьбе твоему отцу. Но мы с ним незнакомы. Где же он мог меня увидеть?

— Из-за кулис. У артистов привычка такая. Перед началом спектакля поглядеть в щёлочку на зрительный зал. Помните, вы нас на утренний спектакль «Гаврош» водили?

— Припоминаю...

— Вот тогда он вас в эту самую щёлочку углядел. А потом дома всё время спрашивал меня: кто такая эта очаровательная дама, что рядом с тобой в кресле сидела?

Вся ахинея, которую нёс Миша, была явно шита белыми нитками. Но женщины, даже если они классные руководительницы, народ загадочный.

— В театре столько красивых артисток, он мог бы... — запинаясь через каждое слово, начала она, — он мог попросить фото кого-то из них...

Не самый лучший ученик пятого «А» беззастенчиво перебил её.

— А он артисток терпеть не может.

— Ну, хорошо, — Елена Владимировна с опаской, но всё же шагнула в искусно расставленную двумя авантюристами ловушку, — я подпишу. Только не в коридоре же. И в учительской неудобно. Выйдем на улицу, Медведев.

Когда придуманная на ходу и блестяще разыгранная юным импровизатором интер-

медия была завершена, он на голубом глазу спросил:

— А заслуженному артисту завтра приходить?

— А как же! — с излишней горячностью воскликнула Елена Владимировна, немного порозовела, но нашла в себе силы достойно завершить эту сценку. — Мы должны с ним поговорить о твоём будущем.

— Без проблем, — великодушно согласился юный враль.

К отцу с фотографией он подлез во время традиционного вечернего чаепития. Тот недоумённо пожал плечами, мельком глянул на изображение и уже собрался забросить фотокарточку куда подальше, но сын перевернул её обратной стороной.

Заслуженный артист прочёл посвящение раз, другой, снова глянул на незнакомое личико и промурлыкал:

— И кто же эта прелестная незнакомка?

— Наша училка по русскому.

— Друг мой, что за вульгарщина? «Училка». И сколько же сейчас, — отец сделал ударение на слове «сейчас», — лет этому, прямо скажем, милому созданию?

— Это её последний снимок. Я его со стенда свистнул... — начал Миша и тут же прикусил язычок.

Но отец не заметил его оплошности. Он был увлечён разглядыванием «милого создания» и текстом на обороте, который, судя по выражению лица, доставил ему удовольствие.

— А с чего она решила преподнести мне сей презент?

— Да она на все твои спектакли ходит. И ко мне пристаёт. Расскажи ей да расскажи, какой ты в быту. То есть, какими бывают великие артисты в домашней обстановке.

— Она так и сказала?

— Сказала. А что, ты разве не великий? Ещё какой великий! — перешёл в атаку Миша. — Вся наша школа так считает. А она, как услышит твоё имя, так даже нормально правила правописания на уроке объяснить не может. — И, не передохнув, закончил: — Ты бы ей свою фотографию подписал. Знаешь, как ей приятно будет.

— А где же я ей её вручу? На дополнительные занятия по русскому записаться разве что, — улыбнулся трагический артист.

Миша подхихикнул.

— Впрочем, завтра передашь ей от меня поклон, вручишь фото. И скажи, что на ближайший спектакль «Гамлет» ей контрамарка обеспечена. Стоп. Ей же наверняка на двоих приглашительный нужен будет. У такой очаровательной дамы наверняка поклонник есть.

— Какие в школе поклонники?! У нас же учителя сплошь женщины. Когда им по поклонникам бегать. Тетрадки бы успеть проверить. Фотографию я ей передам, а вот контрамарку ты уж сам вручи. Ладно?

— Погоди, а ты часом ничего не натворил?

— Ничего я не натворил. Она хотела, чтобы ты у нас с лекцией выступил о системе этого... как его...

— Станиславского, что ли?

— Ага.

— Что-то ты, братец, темнишь. Ладно. Завтра разберёмся. Скажешь ей, что приду. А сейчас спать. У меня спектакль сегодня трудный был. Отелло изображал.

В школу Миша пришёл ни свет ни заря. Подкараулил Елену Владимировну на входе, отвёл в сторонку, передал фотографию, и тут червячок сомнения заполз к нему в душу. А не переборщили ли они с лучшим другом, затеявая эту комедию? С такой пылкостью прижала к себе классная руководительница снимок, на котором был изображён отец, читающий монолог Гамлета «Быть или не быть», что ему стало не по себе. Дал бы ему отец пару подзатыльников за фокусы с мячом, и дело с концом. Но сделанного не воротишь.

Зная вспыльчивый характер отца, он сам предъявил его паспорт охраннику, прово-

дил родителя до класса, открыл дверь и благоразумно встал за его широкой спиной.

Взрослые застыли, не сводя друг с друга глаз, забыв о его существовании. Первой опомнилась учительница.

— Медведев, — ангельским голосом чуть ли не пропела она, — можешь идти на урок.

Миша поперхнулся от неожиданности.

— Елена Владимировна, уроки у нас закончились. Ваш последний был.

— Неужели? — Она послала лучезарную улыбку трагическому артисту. — Я последнее время такая рассеянная... тогда иди во двор, поиграй с ребятами. Родион Фёдорович, у вас такой замечательный сын...

Авантюрист понял, что благоразумнее всего исчезнуть. Пусть доигрывают эту сценку самостоятельно. Классно всё получилось!

В одном только его друг ошибся. Не тянуло всё это на комедию.

Отец позвонил, как всегда, после спектакля.

— Не спишь? Тогда подожди ещё немного. Елена Владимировна пригласила меня в гости к своим родителям на пирог. Вернусь, чаёк перед сном попользуем.

— Всё в порядке, папа, — бодро отрапортовал он, — я же актёрский ребёнок, мне к спартанскому образу жизни не привыкать. Ужин сам себе приготовлю.

И повторяться эта ситуация стала чуть ли не каждый вечер. До тех пор пока однажды в доме не появилась Елена Владимировна. И осталась в нём навсегда. Они с отцом поженились. А вскоре Мише стало недосуг гонять мяч. Его пересадили от Макса и усадили за учебники по русскому и литературе. Как ни странно, это занятие увлекло его настолько, что он не возражал, когда его перевели в другую школу с углублёнными занятиями по этим занимательным предметам. И даже начал читать пьесы великого драматурга.

Не поверите, но Вильям Шекспир начал загадочно улыбаться с портрета юному авантюристу, когда они встречались взглядами на уроке литературы.

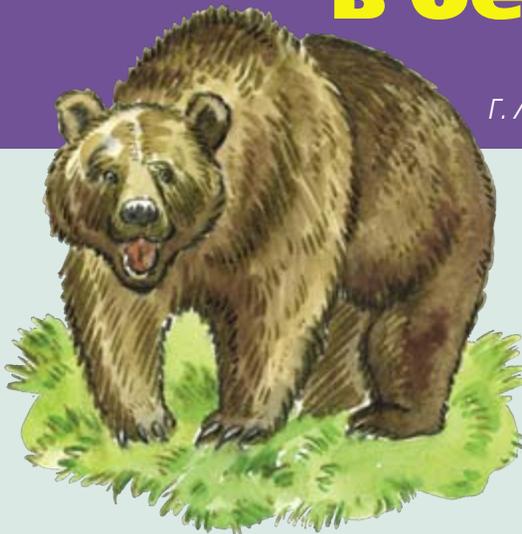
Владимир Волков

ШКОЛА
БЕЗОПАСНОСТИ

Не бросил в беде

Художник
Г. Лопачёва

Два друга 12-летний Никита Никонов и Стасик, ему 8 лет, живут в селе. Вокруг тайга. И вот однажды прямо на их улице они увидели медведя. Не доброго косолапого мишку, как показывают в мультиках, а настоящего лохматого таёжного зверя. Он забрёл в село, чтобы чего-нибудь или... кого-нибудь съесть.

Ребята бросились бежать, медведь — за ними. Когда Никита оглянулся, то увидел, что Стасик на земле, а над ним — медведь. Никита подбежал ближе. «Ты что делаешь?» — закричал он. И стал бросать в медведя камни. Медведю это не понравилось. Он оставил Стасика и бросился на Никиту. Еще бы мгновение и... Но тут из соседнего двора выбежала собака по кличке Мочалка. Кличка смешная, но вела себя Мочалка очень серьезно. С лаем она накинулась на медведя. Он от такой наглости оторопел: я — хозяин тайги, царь зверей, а тут какая-то собачонка на меня голос поднимает! Медведь решил проучить Мочалку и бросился за ней. Мальчишки воспользовались этим и убежали.

Как закончилась эта история? Ребята попали в больницу: у Никиты были рваные раны на голове, а у Стасика — на руках и ногах. Их подлечили. Первое что они сделали, выйдя из больницы, пошли к Мочалке. Принесли ей специально приготовленные для нее котлеты.

Никиту теперь в селе считают настоящим героем. Не всякий взрослый отважится пойти на медведя с камнем в руке. Чтобы спасти друга.

Змей

огненный

Дедушка разбудил рано, прошептал ласково:

— Вставай, Митя, тебе сегодня четырнадцать исполнилось — настало время выполнить завет отца, собирайся, пойдём к нашей горе.

Путь оказался долгим, пот глаза застилал, ноги в жёсткой траве путались. Куда ни помотришь — одно поле! А дедушка по сторонам не оглядывал, не петлял, не сворачивал. Вдруг из земли валун возник, потом ещё и ещё... окружили путников, не обойти, не протиснуться. Тогда ударил дедушка кулаком по большему, словно молния сверкнула, — разлетелся тот в мелкие камешки, по малому — тот пылью осыпался. Замер Митя от восхищения!

В полдень солнце душным колпаком накрыло, сдавило голову, оглушило барабанным боем... Невмоготу Мите — покачнулся он, но не упал, не поддался слабости, стерпел, стиснул зубы. А родной голос дальше зовёт, успокаивает:

— Совсем немного осталось, только надо ускорить шаг, уходить быстрее от нехорошего места.

И правда — впереди родник блеснул, ручей, потом целое озеро, прохладой повеяло. Омылись путники водой чистой, живительной — сразу мир по-иному представился, яркими красками заиграл. Под ногами тропинка нащупалась, повела в гору. В ней пещера открылась. Попытался Митя внутрь заглянуть, но не сумел — ощерилась она страшной пастью, камни острыми клыками выскочили, в глубине шар огненный вспыхнул. Сжался Митя от неожиданности. Тогда обнял его дедушка и сказал:

— Эта гора «Собака-камень» зовётся, люди сюда не ходят — боятся. Она нас не тронет, а вора в клочья порвёт.

Развязал котомку, достал скатерть-самобранку, снедь всякую, попросил разложить красиво. Поели они, попили. Посмотрел дедушка на небо, вздохнул, перекрестился и дал внуку строгий наказ:

— Никуда не уходи, жди, когда-нибудь, а вернись.

Остался Митя один, лёг на шершавый мох, закинул руки за голову, задумался: «О чём завет отца? Какая в горе тайна? Может, в ней сокровище спрятано, если сторож есть?» Рассуждал так... долго, пока не заснул. Пробудился от холода. Ночь черным-черна. А дедушки рядом

нет! Только под утро услышал покашливание:

— Я устал. Отдохну...

Заговорил, словно сквозь сон, уже вечером:

— Твой отец, когда в семье жить стало не на что, подрядился в артель золото мыть. Однако товарищей тяжёлый труд не прельщал, они хотели найти золото красное, кичливое, что на показ выставляется: бери, мол, — сразу барин станешь. А что лживое и зло-беду привлекает, не думали.

И нашли — на широком поле. Бросились собирать, а сын мой не позарился, даже горсть не взял! Прошёл мимо. Только заметил, что его следы в лоханочки золотые превращаются. Но и их не поднял, не собрал, на колдовские чары не позарился...

А артельщики набили котомки под завязку, карманы полные — штаны спадают, за пазуху насыпали — рубаха рвётся. Ночью не спали: добро стерегли. Днём мешками-увальнями едва шли, ругались без продыху, ссорились и дрались, потому что золото высыпается, а поднять нельзя, — если нагнёшься, последнее потеряешь! Наконец вернулись в свою деревню и давай сутки напролёт праздновать.

Митя не выдержал:

— И что — они ни для себя, ни для детей своих, ни для людей ничего не сделали, ни палат каменных, ни фабрик, ни школ, ни храмов не построили?

— Ничего. Только себя ублажали... Слушай, как дальше было:

— В самый разгар веселья солдаты с ружьями нагрянули, искали разбойни-

ков, которые обоз с царским красным золотом ограбили. Артельщики оправдывались, божились, что сами нашли, но им не верили, связали, бросили на телегу, отвезли в острог. Там из них живо дурь выбили — во всём сознались, чего и не было! Заковали в кандалы и на каторгу, в заводы железо выплавлять.

А отец твой в это время искал жёлтое золото, что счастье приносит. Весь Каменный пояс излазил, да бес толку. Чуть не заплакал... И вот, уже надумав домой возвращаться, набрёл на гору, похожую на собачью морду.

«Значит, мой папаня здесь был», — догадался Митя, подсел к дедушке ближе, чтобы слова не пропустить. Тот увидел интерес, а не детское любопытство, и продолжил уже более громким голосом:

— А под горой песчаный пласт обнажился. Зачерпнул отец полный лоток, так, на всякий случай, промыл в ручье и остолбенел — на дне жёлтые золотины высветились самого причудливого вида, на диковинных зверей и птиц похожие. Величиной с пятак! Солнце на небе только на сажень сдвинулось, а у него уже десять штук в белую тряпицу завернуты.

А дальше непорядок — пласт круто вглубь ушёл. Не достать с наскака. Пришлось шурф-яму копать. День трудился, два, неделю... Добычу в пещере прятал. Тропу протоптал. «Значит, вот куда дедушка пропадал», — подумал Митя и ещё крепче к нему прижался.

— На вторую неделю небо внезапно потемнело, попытался отец наружу выбраться, да не успел — в одну секунду небо опрокинулось, гроза накрыла: ветер тугим ударом обратно сшиб, ливень сплошной стеной обрушился — вода по пояс. «Ну всё, — успел он подумать, — не увижу больше своих детушек, не помогу жене от болезни вылечиться». В этот самый миг так полыхнуло, что ослеп, треск раздался — оглох. Потерял сознание... Когда очнулся, почувствовал лёгкость необычайную. Если бы рядом люди были, то ахнули — из ямы медленно выплыл огненный шар.

Дедушка посмотрел куда-то в даль.

— Я сына каждый день ждал, по ночам у окна сидел... И вот однажды среди звёзд что-то вспыхнуло, подлетело к нашему дому и исчезло. Я услышал шорох за спиной, оглянулся — из печи шар огненный выкатился, о пол стукнулся и превратился в твоего батюшку. Не позволил он мне удивиться, заговорил требовательно:

— Запомни: никого у тебя не было сегодня. Никого! А когда Диме исполнится четырнадцать лет, вместе с ним к горе пойдёшь. Путь держи на восток, никуда не уклоняйся. Если валуны на пути встанут, помогу: ты ударь кулаком, я сверху молнией, и они рассыпятся. — Тут вспомнил Митя, что взаправду, когда сквозь валунную преграду продирались, рядом что-то вспыхивало, и казалось ему, что слышал голос своего отца. — Рассказал твой батюшка и про родник, и тропинку, а главное — про го-

ру, похожую на собачью голову, и пещеру. И ещё попросил, чтобы ты в неё не заглядывал.

— А почему ты вошёл, — допытывался Митя, — а меня пугаешь?

— Не обижайся, внучок, он сказал, что она впустит, когда возмужаешь.

— Дедушка, — не унимался Митя, — а мой папаня где сейчас? В пещере? Почему к нам не прилетает?

— Он сказал, что в человека может обратиться только один раз, чтобы тайну открыть. Полыхнул огненным змеем и пропал. Ты поглядывай в ночное небо: он обещал навещать, но не часто, а когда силы накопит, ведь летать не так просто! Идём домой, нечего засиживаться, дела ждут.

Митя дедушку обогнал, захотелось узнать что в котомке, убедиться в своей догадке, но постеснялся. Наконец решился, протянул руку, чтобы узелок развязать, но дедушка опередил, сам показал.

— Ух ты, золото! Жёлтое! Я так и думал. Давай помогу нести!

— Не сможешь, — осадил дедушка, — отрок ещё — не юноша. Это золото неприметное, но особое. Чтобы себя из недр извлечь, заставит стараться, труд приложить, и немалый. Когда возьмёшь его, оно присматриваться начнёт: правильно живёшь, помогаешь другим или нет. Если увидит, что попало в чистые руки, доверится, отзовется сторицей. Отец его добыл, но использовать не успел, тебе завещал применить скрытую в нём мощь для благих дел. Расти, набирайся мудрости — тогда любовью груз осилишь.

В день победы над врагом Петиного дедушку пригласили на торжественный вечер в школу как ветерана Великой Отечественной войны.

Дедушка взял коробочку, где были ордена и медали, и стал прикреплять их к пиджаку. Петя стоял рядом и смотрел на каждую награду, а их было очень много, и про себя говорил:

«Эта, я знаю, как называется, «за доблесть», эта «за мужество» — и тут он заметил на самом дне коробочки маленький, невзрачный значок. «Что это такое?» — заинтересовался он и спросил:

— Дедушка, а за что тебе дали вот этот маленький значочек?

Дедушка осторожно взял его в руки, погладил и грустно промолвил:

— Он невзрачный, да дорог мне, с ним связана вся моя жизнь. Называется он «Комсомольский значок». В молодости мне его вручили за доблесть, за мужество. Только это за гражданский труд. Строил я со многими комсомольцами города, дороги, мосты. Жили, как на войне, в палатках, под дождем и на холоде. Это была мирная работа, делали для себя, чтобы в будущем лучше жилось. А когда нагрянула война, я по-прежнему с ним не расставался, защищал Родину, свой труд.

Тут дедушка прикрепил комсомольский значок на самом видном месте на лацкане пиджака и, позвякивая орденами, оделся. Петя подумал: «Значок мал, да удал» — и высказал предположение:

— Дедушка, если я буду таким, как ты, тружеником, мне тоже дадут такой значок?

Дед ласково взглянул на внука, обнял его и сказал:

— Сейчас время другое, Петенька.

Конверт был рад, что прибыл в этот дом. Его прикрепили к раме, где был портрет Петра с лихо надвинутой набок пограничной фуражкой.

Конверт треугольником

На почте убрали старые, запylённые, никому не нужные мешки. Когда их перетряхивали, вдруг выпал конверт, сложенный треугольником, только адрес воинской части и кому доставить.

Так это письмо солдата — участника Великой Отечественной войны! — воскликнул почтальон.

Конверт, оказавшийся в груде пересылочного материала, глубоко вздохнул:

— Как долго я добирался, пожелтел весь, хорошо, что адрес назначения сохранился.

— А ты кто и откуда? — стали расспрашивать его красивая открытка и конверт, оклеенный изящными марками.

— С фронта я, меня солдат в окопе на прикладе винтовки писал, поэтому все буквы неровные, да где ему было приладиться, кругом грязь, копоть, взрывы, пули хлюпают. Успел он только сложить письмо треугольником и в атаку пошёл.

— А что там написано? — поинтересовалась открытка.

— Да совсем немного: «Дорогая Анюта, скоро войне конец. Последний бой. Жди. Целую. Петр».

— Ты долго пролежал в мешке и не знаешь, на земле мир, и уже так много

лет. Да и Анюта, наверно, вышла замуж, и дети у неё появились. Ты — без вести пропавший. Лежи уж здесь и не трети её налаженную жизнь!

— А может, меня всё это время ждуть?! — грустно прошуршал конверт.

— Ну. Как знаешь.

И конверт отнесли по адресу и вручили.

«Неужели это Анюта?» — подумал конверт, когда его взяла в руки жизнерадостная, но пожилая женщина. Она испуганно посмотрела на него, потом раскрыла треугольник и звонко засмеялась.

На её смех вошёл мужчина, прихрамывая, с тросточкой.

— Ах ты, мой петушок непропавший, — весело сказала она и крепко обняла его.

Петина бабушка каждый раз перед праздником заглядывала в сундук, вытаскивала военную форму, проверяла, проглаживала и вешала на весь день. Петя знал, что это дедушкина одежда — танкиста. Воевал. Пропал без вести. Бабушка всегда разрешала Пете надевать шлем танкиста. И Петя ходил по комнате, представляя, что рядом с ним дедушка на танке, и громко трыхтел:

Дедушкин шлем танкиста

— Трах! Трах! Трых! — и поглядывал на дедушкины фотографии — в шлеме, надвинутом на лоб, с большими усами и с орденами на гимнастёрке, которые были всюду: под иконкой, на шкафу, над его кроватью.

Однажды бабушку, как ветерана войны, пригласили на просмотр документального фильма «Курская битва». Она взяла с собой Петю. И стали они смотреть фильм.

На экране гудели ревущие танки, самолёты, разрывались громко бомбы, солдаты что-то кричали. Страшно стало Пете, он уцепился за стул, прижался к бабушке и тут увидел на экране вылезавшего из люка горящего танка танкиста, очень похожего на дедушку. Он спрыгнул и побежал навстречу Пете. Петя увидел на нём знакомый шлем, большие усы, орден на гимнастёрке и радостно закричал:

— Бабушка, к нам бежит дедушка!

Бабушка грустно улыбнулась и нежно прижала к себе Петю.

ХРАБРЫЙ

Борис Житков

Художник Г. Беда

УТЁНОК

Каждое утро хозяйка выносила утятам полную тарелку рубленых яиц. Она ставила тарелку возле куста, а сама уходила.

Как только утята подбежали к тарелке, вдруг из сада вылетела большая стрекоза и начинала кружиться над ними.

Она так страшно стрекотала, что перепуганные утята убежали и прятались в траве. Они боялись, что стрекоза их всех перекусает.

А злая стрекоза садилась на тарелку, пробовала еду и потом улетала. После этого утята уже целый день не подходили к тарелке. Они боялись, что стре-

коза прилетит опять. Вечером хозяйка убирала тарелку и говорила: «Должно быть, наши утята заболели, что-то они ничего не едят». Она и не знала, что утята каждый вечер голодные ложились спать.

Однажды к утятам пришёл в гости их сосед, маленький утёнок Алёша. Когда утята рассказали ему про стрекозу, он стал смеяться.

— Ну и храбрецы! — сказал он. — Я один прогоню эту стрекозу. Вот вы увидите завтра.

— Ты хвастаешь, — сказали утята, — завтра ты первый испугаешься и побежишь.

ЖИВОЙ
УГОЛОК

На другое утро хозяйка, как всегда, поставила на землю тарелку с рублеными яйцами и ушла.

— Ну, смотрите, — сказал смелый Алёша, — сейчас я буду драться с вашей стрекозой.

Только он сказал это, как вдруг зажужжала стрекоза. Прямо сверху она полетела на тарелку.

Утята хотели убежать, но Алёша не испугался. Не успела стрекоза сесть на тарелку, как Алёша схватил её клювом за крыло. Насилу она вырвалась и с поломанным крылом улетела.

С тех пор она никогда не прилетала в сад, и утята каждый день наедались досыта. Они не только ели сами, но и угощали храброго Алёшу за то, что он спас их от стрекозы.

Татьяна ЗАЙЦЕВА

г. Ясный, средняя школа № 3

Победитель областных конкурсов

«Рукописная книга», «Моя малая родина»,

Участник Всероссийского Пушкинского

литературного конкурса

«Капитанская дочка».

Не смейте забывать

Кто его помнит — самый первый день победы, ещё не праздник, а день, когда закончилась война? Победители были далеко от дома, и женщины не могли их обнять. Обнимали детей, соседей и просто незнакомых. Нельзя было словами передать эту радость. Уже мало кто помнит наших победителей молодыми. Они так долго воевали, такого навидались на этой проклятой войне — вернулись ли они молодыми?

А хотелось ли им самим вспоминать? Послевоенные мужья, засыпавшие под шинелью, — от каких страшных снов спасали их жёны, от каких воспоминаний исцеляли новорождённые дети? В городах и деревнях ладились бараки, торопливо устраивалась жизнь, и потихоньку притуплялась боль, и уже, наверное, можно было оглянуться назад. Через что ты прошёл, солдат?

А когда день победы был объявлен праздником, победителей взяли на учёт, они стали называться участниками и ветеранами Великой Отечественной войны. К ним приставили пионеров в качестве слушателей для воспитания в молодом поколении патриотизма. При каждой школе создавался Музей боевой славы. Отыскивали могилы неизвестных, зажигали в память о погибших Вечные огни. Называли улицы именами тех защитников, которые эти улицы защищали. Стали записывать и публиковать воспоминания участников войны.

А когда страна двинулась к рынку, Вечные огни погасли, позакрывали Музеи боевой славы. Нет больше пионеров. Могилы солдат заброшены. Газета, напечатав на одной полосе трогательную историю про беспомощных стариков, на другой печатает объявление «Куплю ордена». За неимением другой одежды наши победители носили гимнастёрки. За неумением красиво рассказывать о своих подвигах, скромно отмалчивались. Во имя чего воевали? Родину защищали.

Потом-то мы опомнимся, будем клясть себя за бесстыдное пристрастие к различным сокращениям: Великая Отечественная война — это не сокращается. Мы-то опомнимся, да вот они не вернутся.

Анна СОЛОДКИНА

Северный район, с. Русский Кандыз

Победитель областного конкурса

детского литературного творчества

«Рукописная книга».

Птичья радость

Воробьи на крыше
Чирикают, ты слышишь?
Давно ли мёрзли птички?
Воробышки, синички.

Давно ли вы по снегу
Искали корма — нету.
Нахохлившись, сидели
И на пургу глядели.

Теперь вот веселятся,
Надолго поселятся
Они на этой крыше,
Чирикают, ты слышишь?

Наш ВЕРНИСАЖ

РИСУНКИ ДЕТЕЙ СОТРУДНИКОВ
ООО «КАЛИНИНГРАДХЛЕБ»

(г. Королёв, Московская обл.)

«Королёвский хлеб»

1. Софронова Лиза, 6 лет

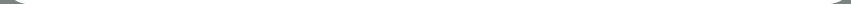
2. Махова Вика, 11 лет

3. Работинская Настя, 11 лет

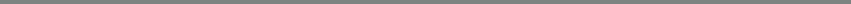
4. Грамошина Маша, 9 лет

5. Лапушкина Наталья, 9 лет

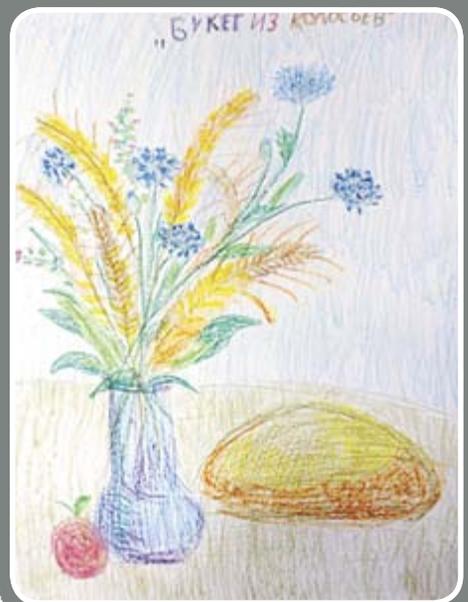
1

2

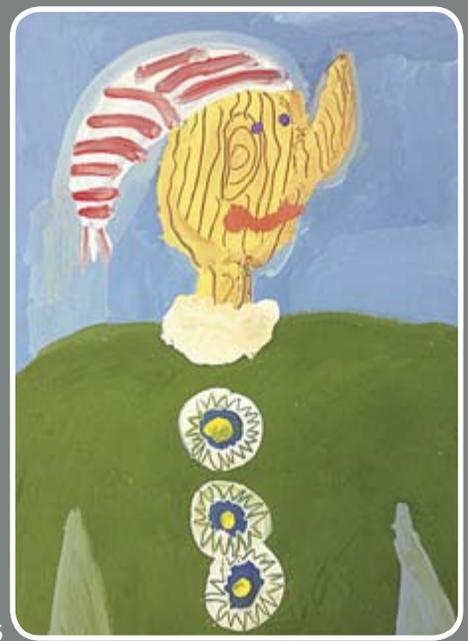
4

3

5

«Без трёх минут десять. Я был на коне у Спасских ворот. Отчётливо слышу команду: «Парад, смирно!» Вслед за командой прокатился гул аплодисментов. Часы отбивают 10.00... Грянули мощные и торжественные звуки столь дорогой для каждой русской души мелодии «Слався!» М. И. Глинки. Затем сразу воцарилась абсолютная тишина, раздались чёткие слова команды командующего парадом Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского...».

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления

24 июня 1945 года в 10 часов утра с боем кремлёвских Курантов маршал Г. К. Жуков на белом коне выехал на Красную площадь

БУХТИНЫ:

Дедушкин шлем танкиста

ИМЕНА:

Преображённая реальность

УГОЛОК РОССИИ:

Горенки

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
 СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**

Змей огненный